

З А Б А Й К А Л Ъ С К І Я Епархіальныя Вѣдомости

Выходитъ два раза въ
мѣсяцъ 1 и 15 числа.
Цѣна годовому изданію
съ пересылкой и достав-
кой 6 рублей 50 коп.

№ 7-й.
1 А П Р Ъ Л Я
1909 г.

Подписка принимается
въ Забайкальской духо-
вной Консисторіи и въ
редакціи Забайк. Епарх.
Вѣд. въ г. Читѣ.

О т д ѣ л ь 1-й о ф ф и ц і а л ь н ы й.

**Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА
ВСЕРОССИЙСКАГО, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода,
объ установленіи празднованія 200—лѣтія со дня Полтавской
побѣды.**

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: рапортъ Протоіерея Іоанна Восторгова, на имя Г. Синодальнаго Оберъ Прокурора, отъ 19 декабря 1908 года, съ приложеніемъ доклада его Комиссіи для установленія празднованія 200—лѣтія со дня Полтавской побѣды. П р и к а з а л и: Обсудивъ означенный рапортъ, Святѣйшій Синодъ о п р е д ѣ л я е т ь: н а п и с а т ь Синодальнымъ Конторамъ, Епархіальнымъ Преосвященнымъ, Исполняющему обязанности Завѣдывающаго Придворнымъ духовенствомъ и Протопресвитору военнаго и морскаго духовенства сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы въ 27 день іюня 1909 года во всѣхъ храмахъ Имперіи совершены были: наканунѣ,—всенощныя бдѣнія, а въ самый праздникъ торжественныя литургіи, съ возглашеніемъ заупокойной

эктеніи въ установленное время съ поминовениемъ **ИМПЕРАТОРА ПЕТРА** Перваго и всѣхъ павшихъ въ **Полтавскомъ** бою вождей и воиновъ, съ пастырскимъ поучительнымъ словомъ и съ благодарственнымъ послѣ литургіи молебствіемъ, на коемъ послѣ перваго Царскаго многолѣтія возгласить вѣчную память **ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ** Первому и павшимъ въ **Полтавскомъ** сраженіи вождямъ и воинамъ, и послѣ сего заключительныя многолѣтія: Христолюбивому воинству и Богохранимой Державѣ Российской, о чемъ для исполненія и послать Синодальнымъ Конторамъ, Епархіальнымъ Преосвященнымъ, Исполняющему обязанности завѣдывающаго придворнымъ духовенствомъ и Протопресвитору военного и морскаго духовенства циркулярные указы. Января 31 дня 1909 года. Подлинный за надлежащими подписями.

Съ подлиннымъ вѣрно Секретарь *В. Шимковичъ*.

Свѣрять И. д. Столоначальника *М. Протопоповъ*.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Резолюціей Его Преосвященства, отъ 2 марта сего года, за № 756. псаломщикъ Усть Кяхтинской Тихвинской церкви **Владимірь Успенскій** за нетрезвое поведеніе отрѣшенъ отъ псаломщическаго мѣста впредь до исправленія.

Исп. об. псаломщика Старо-Читинской Михайло-Архангельской церкви **Матфей Шаталовъ** протокольнымъ опредѣленіемъ Консисторіи, отъ 17 марта с. г., за № 73, утвержденнымъ резолюціей Его Преосвященства, отъ 20 марта с. г. за № 839, принять въ духовное званіе.

Резолюціей его Преосвященства, отъ 21 марта с. г., за № 937: 3-й священникъ Троицкосавскаго собора **Нико-**

лай Виноградовъ перемѣщенъ на священническое мѣсто къ **Шилеинской** ж. д. церкви. Числящійся на штатномъ діаконскомъ мѣстѣ при **Троицкосавской** **Кладбищинской** церкви, откомандированный для служенія къ **Шилкинской** ж. д. церкви, Священникъ **Александръ Лавровскій** временно оставленъ на псаломщическомъ мѣстѣ при **Шилкинской** ж. д. церкви.

Священникъ **Бянкинской** **Троицкой** церкви **Іосифъ Поповъ**, согласно прошенію, резолюціей Его Преосвященства, отъ 20 марта с. г., за № 819, уволенъ въ заштатъ съ исходатайствованіемъ ему пенсіи, а на его мѣсто, той же резолюціей перемещенъ свящ. **Шелопугинской** **Покровской** церкви **Константинъ Поповъ**.

Псаломщикъ **Харадайской** **Вознесенской** церкви **Василій Федоровъ** согласно прошенія, Резолюціей Его Преосвященства, отъ 21 марта с. г., за № 928, уволенъ въ заштатъ.

Резолюціей Его Преосвященства, отъ 8 апрѣля 1909 года, за № 275, священникъ **Доронинской** церкви **Иннокентій Стрышевъ**, согласно прошенія, временно уволенъ заштатъ.

Вакантныя мѣста.

а) Протоіерейское при **Троицкосавскомъ** соборѣ: дома для причта есть, казеннаго жалованья причтъ не получаетъ, жителей 1625 д. мужского пола, 1558 женскаго пола, домовъ 561.

б) Священническія мѣста при церквахъ.

Бишигинской священническое, свѣдѣній не доставлено. **Батаковской** **Базанской**, священническое казеннаго жалованья 400 р. сѣнокосной земли 55 д., жителей 1140 м. н., 1182 ж. п. домовъ 303.

Ивинскій **Зокимо-Савватіевской**, казеннаго жал. 400 р. дома для причта есть руга 240 п., жителей 1223 м. п. 1204 ж. п. домовъ 377.

Коротковской Троицкой: казен. псал. 300 р., земли 48 д. жит. 1213 м. п., 1225 ж. п. домовъ 352.

Троицкосавскомъ соборѣ 3-е священническое мѣсто дома для причта есть, причтъ казеннаго жалованья не получаетъ, жителей 1625 м. п., 1558 ж. п. домовъ 561.

Доронинской: казеннаго жалованья 300 р., руги 240 п., сѣнокосной не удобной земли 55 дес.

Д і а к о н с к і я

при церк.:

Троицкосавской Успенской Кладбищенской діакономское, причтъ казеннаго жалованья не получаетъ.

в) Псаломщическія

при церквахъ Усть-Ильинской свѣдѣній не имѣется.

Елизаветинской Покровской псаломщикъ живетъ въ домѣ наемномъ отъ прихожанъ, казен. псал. жал. жал. 200 р., руги 84 п., жителей 831 м. п. 804 ж. п. домовъ 263.

Улюнской Успѣнской свѣдѣній не доставлено.

Харадайской Вознесенской, казен. жалованья 100 р. дома для причта есть сѣнокосной земли 55 дес., жителей 994 м. п., 959 ж. п. и домовъ 285.

И з в ѣ щ е н і е.

Указомъ Св. Синода, отъ 17 февраля с. г., за № 1894, вдовѣ протоіерея Троицкосавской Покровской церкви Михаила Рѣщикова—Александрѣ Андреевой Рѣщиковой съ несовершеннолѣтнею дочерью Маріей, назначена пенсія по двѣсти (200) р. въ годъ, съ производствомъ оной съ 26 августа 1908 года изъ Троицкосавскаго Казначейства.

Отъ Забайкальскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Согласно постановленію Училищнаго Совѣта, отъ 4-го марта с. г., утвержденному Его Преосвященствомъ, объ-

является благодарность Епархіальнаго Начальства попечителю Фроловской въ г. Верхнеудинскѣ второклассной школы Филарету Васильевичу Мошанову за пожертвованіе на нужды сей школы изъ своихъ средствъ до 350 рублей.

Благодарность.

Инородцы Кужертаевской волости Игнатій Гантимуровъ и Проконій Гантимуровъ пожертвовали во вновь строящуюся въ Кужертаевскомъ миссіонерскомъ станѣ церковь во имя Святителя Иннокентія Чудотворца Иркутскаго: первый—подсвѣчникъ къ мѣстной иконѣ стоимостью въ 23 рубля, второй—Св. Евангеліе и ковшъ для теплоты на сумму 8 рублей 45 коп.

Священно-церковно-служители стана изъявляютъ названнымъ жертвователямъ свою искреннюю и глубокую благодарность.

ЗАБАЙКАЛЬСКІЯ Епархіальныя Вѣдомости

Редакція проситъ духовенство, учащихся и всѣхъ сочувствующихъ изданію Епархіальнаго органа.

№ 7-й.
1 А П Р Ъ Л Я
1909 г.

присылать статьи по всѣмъ вопросамъ программы; рукописи писать четко на одной сторонѣ листа.

О т д ѣ л ь II-й неофициальный.

Личность Гоголя.^{*)}

Вся жизнь человѣчества представляетъ собою исторію развитія личности. Наша личность, наше „я“ является главнымъ двигателемъ всей дѣятельности человѣка. Наше „я“ поставляетъ себѣ задачи, цѣли, опредѣляетъ свои стремленія, и взаимодействіе отдѣльныхъ личностей—вотъ почти вся исторія общества. На долю другихъ дѣятелей жизни остается немного.

Вотъ почему при каждой новой встрѣчѣ насъ интересуетъ прежде всего вопросъ: „что за человѣкъ?“ И чѣмъ больше общенія предполагается, тѣмъ этотъ вопросъ насъ болѣе интересуетъ.

Богато одаренныя натуры возбуждаютъ въ насъ особенное желаніе постигнуть ихъ, и это изученіе личностей доставляетъ намъ громадную пользу.

Мы по нимъ изучаемъ жизнь въ ея высшихъ проявленіяхъ.

Мы сегодня вспоминаемъ день появленія на свѣтъ великаго человѣка.

^{*)} Рѣчь, читанная въ Читинскомъ Общественномъ Собраніи на торжественномъ засѣданіи, посвященномъ памяти Н. В. Гоголя въ день столѣтняго юбилея 20 марта 1909 г.

Гоголь! Сколько съ этимъ словами соединяется мыслей чувствъ, впечатлѣній.

Кто изъ насъ не увлекался его чудными произведеніями?

Но великое создается только великимъ; и постигнуть величіе великаго человѣка—вотъ благодарная задача каждаго культурнаго человѣка.

Проникнуть въ таинственный міръ души Гоголя—значить получить отъ него великій урокъ, урокъ настоящей жизни.

Сто лѣтъ тому назадъ подъ небомъ лазурнымъ Украйны въ м. Сорочинцахъ (Полтавской губ.) родилась наша слава, наша гордость, родился Николай Васильевичъ Гоголь—Яновскій.

Никто, конечно, не можетъ сказать, что получится изъ ребенка, каковъ онъ будетъ. Вотъ почему дѣтскій періодъ въ характеристику личности ничего не привноситъ. Но дѣтскія впечатлѣнія сильны; они непремѣнно такъ или иначе дадутъ знать о себѣ; они заставятъ человѣка отозваться на ихъ голосъ. А если такъ, то дѣтство намъ выяснитъ; почему пошелъ человѣкъ той, а не иной дорогой, пока не встрѣтились другія сильнѣйшія вліянія.

Кто намъ ближе всего въ дѣтствѣ? Кто намъ дороже всего?

Кто чувствительнѣе къ нашимъ невздамъ и дѣтскимъ горестямъ?—Конечно, мать. Вотъ почему въ дѣтствѣ мы больше любимъ матерей; вотъ почему ихъ вліяніе и бываетъ особенно сильно.

Мать Гоголя Марія Ивановна была въ высшей степени религіозная женщина. И само собою разумѣется, что эту свою религіозную настроенность незамѣтно передала и сыну. Гоголь самъ впослѣдствіи сознается, что религіозные рассказы матери „потрясли и разбудили всю его чувствительность, заронили впослѣдствіи самыя высокія мысли“.

Но хотя мать и ближе къ дѣтямъ, однако и вліяніе отца должно сказаться, если онъ хотя немного удѣляетъ вниманія дѣтямъ.

Василій Аѳанасьевичъ былъ человѣкъ незаурядный. Его перу принадлежитъ нѣсколько произведеній. И сыну своему онъ рассказывалъ съ неподдѣльнымъ юморомъ очень многое. Онъ пробудилъ умственные интересы ребенка. Онъ увлекъ его своими рассказами. Онъ первый заставилъ его полюбить театръ, такъ какъ постоянно занимался постановкой спектаклей у своего сосѣда и хорошаго знакомаго Трошинскаго.

Третье вліяніе, которому невольно подчиняется дѣтская душа—это вліяніе окружающей природы. А она была прекрасна. Не отличалась она тропическою роскошью и разнообразіемъ. не подавляла своимъ величіемъ, она вся была полна тихой грусти и нѣги и наполняла сердце какимъ то смутнымъ пріятнымъ чувствомъ, уносила въ какой-то заоблачный міръ.

Вотъ подъ этими-то вліяніями и росъ Гоголь въ отеческомъ кругу. И получился изъ него любознательный, остроумный, умбующій все подмѣчать, мальчикъ, но уже съ мистическимъ оттѣнкомъ мыслей и романтически настроеной душой.

Время быстро идетъ. Наступаетъ пора ученья, и Гоголь въ 1821 г. поступаетъ въ гимназію высшихъ наукъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Наукамъ отдавался онъ мало, и потому ихъ вліянія на себя онъ тоже не испыталъ.

Но зато весь онъ отдался литературѣ, театру. Писаніе, чтеніе и игра на сценѣ—вотъ только что его занимаетъ въ гимназіи.

Здѣсь уже проявляется его талантъ. Удивительный юмористъ, онъ доставилъ немало непріятныхъ минутъ и товарищамъ и преподавателямъ и начальству.

Сознаніе своихъ преимуществъ предъ товарищами заставляетъ его проникнуться особою вѣрою въ себя.

Въ то же время у него начинается въ душѣ ростъ потребность чего-то лучшаго, высшаго, нежели окружающая дѣйствительность. И эта потребность высшей жизни въ связи съ его самоувѣренностію приводитъ его къ мысли, что его путь иной, отличный отъ другихъ, что ему суждено совершить подвигъ. И съ этихъ поръ эта мысль неотступно преслѣдуетъ его.

Ему хочется скорѣе выдвинуться, совершить это великое. А оно представляетъ ему въ формѣ службы. И вотъ только окончивъ (въ 1828 г.) курсъ, едва пробывъ нѣскольکو времени ни родинѣ, вздѣлѣянный южной природой, очарованный, околдованный ею хохоль ѣдетъ въ Петербургъ, побуждаемый исключительно своею страстью—широкой плодотворной дѣятельности.

И вдругъ!... Словно въ яму опустился—холодный сырой туманъ, сырыя стѣны каменныхъ громадъ, клочекъ грязнаго неба и дымъ... дымъ... дымъ безъ конца.

Бросился бы назадъ, да самолюбіе не позволяетъ, которое у него не знало предѣловъ. „Человѣку—мужчинѣ—вообще нужна жизнь самолюбія“, нужна общественная дѣя-

тельность а Гоголю она была нужна въ особенности. И онъ началъ ее.

Началась канцелярская жизнь, жизнь сухая, бумажная, въ которой только цифры да имена перемѣнялись, а суть оставалась та же; вмѣсто широкихъ плановъ—проектовъ исполненіе чужой воли... Ни пищи для ума и чувства, ни арены—для упражненія воли. Придетъ пора окончить работу—и еще сѣрѣе, сумрачнѣе начинается жизнь.

Живая поэтическая душа оказалась въ оковахъ. И бьется она, и стонетъ, рыдаетъ и къ небу зоветъ, но... жизнь идетъ неизмѣнно.

И вспомнилось тутъ живому хохлу приволье родныхъ полей, вспомнилось солнышко красное, лѣто родимое „Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ малороссіи! Какъ томительно жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой неизмѣримый океанъ, куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ, весь потонувши въ нѣбѣ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ! На немъ ни облака; въ полѣ ни рѣчи. Все какъ будто умерло; вверху только, въ небесной глубинѣ дрожить жаворонокъ, и серебряныя пѣсни летятъ по воздушнымъ ступенямъ на влюбленную землю, до изрѣдка крикъ чайки, или звонкій голосъ перепела отдается въ степи.

Вспомнилась и зима... Но что за зима? Не эта мозглая туманная зима Петербурга, что вдругъ ни съ того ни съ сего возьметъ да и распуститъ слякоть на весь городъ. Нѣтъ! вспомнилась зима родная, со вьюгами, съ морозами.

Вспомнились святки, а съ ними колядки Вспомнилась простая непринужденность жизни.

И сѣлъ хохолъ у себя дома, погрузился весь въ міръ родной полтавской жизни, ушелъ мыслію за тысячи верстъ отъ Петербурга.

Заговорилъ онъ съ дідомъ, вспомнилъ дьяка Диканьской церкви, Ѳому Григорьевича. „Эхъ, голова! Что за исторіи умѣлъ онъ отпускать“.

И легко стало на душѣ, спалъ съ нея камень, что своею громадой сердце давилъ.

Вотъ ужъ появилась улыбка при этихъ воспоминаніяхъ, все веселѣе и веселѣе становится на душѣ. А память и воображеніе такъ и рисуютъ эту жизнь.

Вдругъ раздался взрывъ смѣха! молодого, здороваго, юношескаго жизнерадостнаго смѣха!

Публика въ недоумѣніи! Откуда этотъ смѣхъ? Кто это такъ заливается?

Оказывается, то смѣется пасичникъ Рудый Панько.

Итакъ въ угрюмомъ Петербургѣ раздался настоящій смѣхъ; смѣхъ этотъ охватилъ тѣхъ, кто услыхалъ его.

Засмѣялись первые наборщики той типографіи, гдѣ Гоголь печаталъ свои „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“.

21 августа. 1831 г. Гоголь пишетъ Пушкину въ Павловскѣ „Любопытнѣе всего было мое свиданіе съ типографіей; только что я просунулся въ двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фыркать и прыскать себѣ въ руку, отворотившись къ стѣнкѣ. Это меня нѣсколько удивило; я къ фактору, и онъ, послѣ нѣкоторыхъ ловкихъ уклоненій, наконецъ, сказалъ, что „штучки, которыя изволили прислать изъ Павловска для печатанія, очень до чрезвычайности забавны и наборщикамъ принесли большую забаву“.

За наборщиками засмѣялись всѣ тѣ, кому попали эти „Вечера“ въ руки, а брали ихъ въ руки всѣ культурные люди.

Пушкинъ вспоминаетъ на страницахъ „Современника“ (т. I, 312—313) о впечатлѣніи, какое произвело на всѣхъ первое появленіе рассказовъ: „Всѣ обрадовались этому живому описанію племени поющаго и пляшущаго, этимъ свѣжимъ картинамъ малороссійской природы, этой веселости простодушной и вмѣстѣ лукавой. Какъ изумились мы русской книгѣ, мы, не смѣявшіеся со временъ Фонвизина!

Гоголь заразилъ всѣхъ своимъ смѣхомъ. Значитъ, смѣхъ у него былъ естественный. Этотъ смѣхъ исходилъ изъ довольства, изъ ощущенія полноты жизни. Мы заразительно смѣемся тогда, когда „жизнь, какъ говорится, бьетъ изъ насъ ключемъ“. Смѣхъ спутникъ молодости, когда мы только и ощущаемъ эту полноту; смѣхъ свидѣтель душевнаго покоя; этотъ смѣхъ, какимъ засмѣялся Гоголь, только и могъ вырваться изъ груди здороваго человѣка, который не хочетъ знать никого и ничего, который гонитъ отъ себя все то, что гнететъ человѣка, что приноситъ раздумье; часто смѣхъ этотъ безотчетенъ, но всегда одинаково хорошъ. Смѣется—душа радуется. И душа Гоголя радовалась.

Но... юность, юность! Какъ ты быстролетна! Не успѣешь оглянуться, а ты ужъ далеко, далеко! Кричишь, зовешь тебя—а ты на всѣ мольбы, на всѣ просьбы не обращаешь вниманія.

Куда вдругъ дѣнется смѣхъ? Куда пропадетъ веселье? Куда вдругъ пропадутъ чудныя картины, что рисовала чаровница жизни весна? Куда умчатся радостныя чувства?

На твое мѣсто, зеленая молодость, идетъ зрѣлый возрастъ.

Покончены счеты со всѣмъ беззаботнымъ, чѣмъ была прекрасна весна жизни.

Новыя мысли, новыя чувства, новыя стремленія возникаютъ въ душѣ.

Человѣкъ „опредѣляется“. Вырабатывается взглядъ на жизнь. Мы уже можемъ сказать, съ кѣмъ дѣло имѣемъ.

Наступаетъ моментъ, когда человѣкъ обнаруживается весь. Если въ его душѣ лежатъ задатки хорошіе, если это натура незаурядная то она проявляется вполне.

Миръ грезъ, въ которомъ жилъ Гоголь, исчезъ. Гоголь отрезвился отъ того юношескаго хмѣля, который опьянялъ его своею прелестью. Онъ еще самъ себѣ не хотѣлъ признаться въ этомъ, такъ былъ хорошъ его поэтическій миръ. Онъ еще живетъ душою въ этомъ чудномъ украинскомъ мірѣ; онъ еще въ восторгѣ отъ него. Но душа его находитъ иные причины восторговъ, иные красоты, какихъ она не замѣчала раньше. Много прекраснаго въ мірѣ и жизни. Только это прекрасное мы *сразу* постигнуть не можемъ, оно открывается намъ постепенно.

И Гоголю сталъ открываться этотъ внутренній сокрытый смыслъ жизни. О, какъ онъ великъ, могучъ, прекрасенъ! Какъ онъ необъятенъ! Какъ онъ захватываетъ человека, всего, безъ остатковъ!

По мѣрѣ того, какъ проникаешь въ смыслъ всего бытія, все больше и больше проникаешься благоговѣніемъ, чувствомъ восторга предъ тѣмъ, что есть лучшаго въ жизни.

То же чудное лѣто, что и раньше; та же прелесть обстановки и вдобавокъ еще безконечность, необъятность степеней. Но эта чудная природа уже не захватываетъ такъ властно Гоголя, какъ въ дни недавніе веселой юности, не наполняетъ она души *прежнимъ* восторгомъ. Восторги иные зажили тамъ. „Вотъ она, сѣчь! Вотъ то гнѣздо, откуда вылетаютъ всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы! Вотъ откуда разливается воля и казачество на всю украину!“ (245 стр. Тарасъ Бульба). Вотъ новый мотивъ, зазвучавшій въ душѣ Гоголя.

Еще прежніе образы временами всплываютъ въ душѣ. Еще возникаетъ чудный образъ прекрасной полячки. Еще душа наполняется нею. Еще слышится страстная рѣчь: „Царица! Что тебѣ нужно! чего ты хочешь?—прикажи мнѣ! Задай мнѣ службу самую невозможную, какая только есть на свѣтѣ,—я побѣгу исполнять ее! Скажи мнѣ сдѣлать то, чего не въ силахъ сдѣлать ни одинъ человѣкъ я сдѣлаю“, (261 стр. Тарасъ Бульба). Но тутъ же онъ добавляетъ: „я погублю себя. Погублю! Погублю! и погубить себя для тебя, клянусь святымъ крестомъ, мнѣ такъ сладко... Но не въ силахъ сказать того!“ (261 стр. Тар. Бульба).

Не счастье, не радость, не покой обѣщаетъ любовь, а гибель и только гибель. Онъ не можетъ отдаться любви безраздѣльно. Его зовутъ инныя чувства, инныя обязанности. Онъ долженъ уже бороться съ ними. Но жребій брошенъ... „Что мнѣ отецъ, товарищи, отчизна! Такъ если-жъ такъ, такъ вотъ что: нѣтъ у меня никого! никого, никого! Кто сказалъ, что моя отчизна Украина? Кто далъ мнѣ ее въ отчизны? Отчизна есть то, чѣго ищетъ душа наша что милѣе для нея всего. Отчизна моя—ты! Вотъ моя отчизна! И понесу я отчизну эту въ сердце моемъ, понесу ее, пока станеть моего вѣку, и посмотрю: пусть кто-нибудь изъ казаковъ вырветъ ее оттуда! И все, что ни есть, продамъ, отдамъ, погублю за такую отчизну!“ (262 стр.)

И погибъ казакъ! Пропалъ для всего козацкаго рыцарства! Не видать ему больше ни запорожья, ни отцовскихъ хуторовъ своихъ, ни церкви Божьей. Украинѣ не видать тоже храбрѣйшаго изъ своихъ дѣтей, взявшихся защищать ее. Вырветъ старый Тарасъ съдой клокъ волосъ изъ своей чупрыны и проклянетъ и день и часъ, въ который породилъ на позоръ себѣ такого сына“ (263 стр.)

Иное время настало; инныя заботы въ душу запали.

„Нѣтъ узъ святѣе товарищества. Отецъ любить свое дитя, мать любить свое дитя, дитя любить отца и мать; но это не то, братцы; любить и звѣрь свое дитя! Но породниться родствомъ по душѣ, а не по крови можетъ только одинъ человѣкъ. Бывали и въ другихъ земляхъ товарищи, но такихъ, какъ въ русской землѣ, не было такихъ товарищей!“

Нѣтъ, такъ любить ни кто не можетъ! У послѣдняго подлюки, каковъ онъ ни есть, хоть весь онъ извалялся въ сажѣ и въ поклонничествѣ, есть и у того, братцы, крупица русскаго чувства; и проснется оно когда-нибудь,—и ударится онъ горемычный, объ полы руками, схватить себя за голову, проклявши громко жизнь свою, готовый муками искупить позорное дѣло. Пусть же знаютъ они всѣ, что такое значить въ русской землѣ товарищество! Ужъ если на то пошло, чтобы умирать, такъ никому-жъ изъ нихъ не доведется такъ умирать! Никому, никому! (273 стр.)

Такъ говорилъ атаманъ... и потомъ всѣ какъ будто сговорившись, махнули въ одно время рукою и потрясли бывальными головами. Знать, видно, много напомнилъ имъ старый Тарасъ знакомаго и лучшаго, что бываетъ въ сердцѣ у человѣка, умудреннаго горемъ, трудомъ, удаляю и всякимъ невзгодьемъ жизни, или хотя и не познавашаго ихъ, но много почуявашаго молодою, жемчужною душою на вѣчную радость старцамъ-родителямъ, родившимъ ихъ!“ (273 стр.)

Даже послѣднее слово, послѣдняя мысль умирающаго мысль и слово о родинѣ: „Постойте же, придетъ время, будетъ время, узнаете вы, что такое православная русская вѣра! уже и теперь чуютъ дальніе и близкіе народы: подымется изъ русской земли свой царь, и не будетъ въ мірѣ силы, которая бы не покорилаь ему!“ (288 стр. Тарась Бульба).

Здѣсь слышится чувство, глубокое чувство человѣка-гражданина, сына русскаго народа. Гоголь созналъ свои обязанности передъ родиной. И чѣмъ больше онъ вдумывается въ смыслъ своей жизни, тѣмъ больше убѣждается что онъ сросся съ русскою жизнью; ему было бы больно оторваться отъ нея; да что больно?—эта оторваность равнялась бы смерти.

Великая русская душа, которая заговорила въ Гоголѣ еще ранѣе, продолжаетъ все больше и больше сливаться съ общою русскою жизнью. И онъ отдается этому стремленію безотчетно, безавѣтно, несется съ головокружительною быстротою—куда? Онъ и самъ этого не знаетъ Лепитъ, потому что не летѣть не можетъ.

„Русь! Русь! вижу тебя изъ моего чуднаго, прекраснаго далека. Бѣдно, разбросанно и непріютно въ тебѣ... Открыто, пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города: ничто не обольститъ и не очаруетъ взоръ. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя то-скливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ и рыдаетъ и хватается за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу, и вьются около моего сердца? Русь! Чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?... И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль предъ твоимъ пространствомъ. Что пророчить сей необъятный просторъ? Здѣсь-ли въ тебѣ не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь-ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи... У, какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!.. (502 стр. Мертвыя души).

И вотъ наступилъ моментъ въ жизни Гоголя, когда онъ пришелъ къ окончательному убѣжденію, что Русь „обра-

тила къ нему полныя ожиданія очи свои“, и онъ долженъ оправдать это ожиданіе.

Не цѣлямъ простаго развлеченія должно служить его искусство. На немъ лежитъ святой долгъ служенія родинѣ. И онъ берется за выполненіе этого долга.

Онъ „дерзнулъ вызвать наружу все, что ежеминутно передъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи,— всю страшную, потрясающую тину мелочей, окутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседнежныхъ характеровъ которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзка, дерзнулъ выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи“ (462 стр. мертвыя души).

„Долго, говоритъ онъ, еще опредѣлено мнѣ чудной властью идти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы!“ (463 стр.). И Гоголь, дѣйствительно, чѣмъ болѣе проникался своимъ служеніемъ тѣмъ больше и больше начиналъ скорбѣть. Окружающая его дѣйствительность слишкомъ далека была отъ того идеала, который предносился ему. Слишкомъ рѣзко бросились въ глаза эти недостатки и сами вызывали на борьбу съ собою всякаго честнаго человѣка.

И Гоголь принялъ этотъ вызовъ, съ перомъ въ рукѣ онъ вышелъ на поединокъ, и готовъ былъ подобно другимъ своимъ собратьямъ „бросить стихъ облитый горечью и желчью“ въ глаза этимъ людямъ, но... онъ вспомнилъ, что вся Русь больна, а больного клеймить жестоко, и инымъ способомъ рѣшилъ дѣйствовать.

Онъ снова засмѣялся.

Но этотъ смѣхъ былъ не прежній смѣхъ. Душевная трагедія начиналась уже. Всею своею душою онъ слился съ Россіей, она была ему дорого, такъ дорога, какъ только можетъ быть дорогъ горячо, страстно, безумно любимый человѣкъ. Да что любимый человѣкъ!

Развѣ онъ не принесъ на алтарь отечества все, и любовь въ томъ числѣ?

Какъ одинокій путникъ совершилъ онъ свой жизненный путь.

Развѣ ему тоже не улыбалась, подобно другимъ, любовь? Или ему тоже не хотѣлось пожить своею собственною личною жизнью?

И однако жъ мы почти ничего не знаемъ объ этомъ. Есть небольшія упоминанія о его чувствахъ къ Вельигорской; говорятъ также о Смирновой; но самая скромность этихъ упоминаній лучше всего свидѣтельствуешь о томъ, что этой сторонѣ жизни онъ мало удѣлилъ вниманія.

Въ его ухахъ постоянно раздавался зовущій голосъ, то былъ голосъ Россіи, голосъ родины; и онъ, послушный этому зову, шелъ, ни на минуту не задумаваясь. Теперь ужъ не юношескія мечты о славѣ, о величїи дѣятельности привлекали его. Теперь онъ отдался дѣлу ради его самого. Сознаніе своихъ силъ, которыхъ ему было дано Богомъ больше, чѣмъ другимъ и отсюда сознаніе необходимости примѣненія этихъ силъ къ дѣятельности на пользу родины.

А какое открывалось широкое поле для этой дѣятельности. Конца не видно ему!

На душу Гоголя находятъ „божественныя минуты“ уясненія судебъ человѣчества. Рисуется ему идеалы чело-вѣческаго совершенства, а вокругъ по всюду пошлость, сплошная пошлость. Точно кошмаръ она давитъ его.

Всѣ эти окружающіе его люди такъ гадки, такъ ничтожны, что только одно презрѣніе и можетъ достойно наградить ихъ; но когда являлась мысль, что вѣдь это разумныя существа, которыя должны осуществлять въ жизни великія задачи, что это его единоплеменники, что это не чужіе люди, больно становилось ему, такъ больно, какъ только представить можно.

Гоголь принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которые носятъ въ душѣ своей страшную міровую скорбь, предъ которыми люди должны благоговѣнно преклонить колѣна

Они страдаютъ за всѣхъ. Они болѣютъ за наши несовершенства. Они искупительная жертва за людское равнодушіе къ жизни.

Какъ родители страдаютъ за несовершенства своихъ дѣтей, такъ эти міровые страдалцы болѣютъ за всѣхъ.

Вотъ отецъ кричитъ на сына за его нехорошіе поступки, онъ его бранитъ, бранитъ сильно, будто кромѣ гнѣва къ сыну нѣтъ больше въ душѣ его другихъ чувствъ. Но вотъ вдругъ прозвучала нота, нота отчаянія, и бѣдный отецъ больше ужъ не можетъ оставаться въ роли судьи; предъ нами лишь бѣдный страдалецъ, который, можетъ быть, болѣетъ душою болѣе, чѣмъ его провинившійся сынъ.

Такимъ же разгнѣваннымъ и страдающимъ отцемъ былъ и Гоголь. Онъ смѣется надъ людьми, смѣется надъ всѣми положительно. Гдѣ честные люди? Гдѣ люди съ великими стремленіями? Нѣтъ ихъ. Но тѣмъ тяжелѣе ему. И моментами онъ не выдерживаетъ, и все, что таится въ душѣ, вдругъ прорывается наружу, и мы слышимъ страшный вопль страдалца, мы будто видимъ, какъ онъ хватается въ отчаяніи за голову... и снова смѣется... и снова рыдаетъ. О какая драма въ это время бывала въ душѣ!

Вотъ этотъ смѣхъ сквозь слезы, о которомъ онъ самъ говоритъ. Вотъ смѣхъ страдалца, отъ котораго невесело

станетъ тому, кто умѣетъ глубже проникнуть въ смыслъ этого смѣха.

Для Гоголя творчество и жизнь слились воедино. Но жизнь подавляетъ его собою. Несовершенства ея такъ велики, что борьба оказывается непосильной. Да развѣ одинъ онъ и могъ побороть жизнь? Не было-ли это величайшею самонадѣянностью? По силамъ или человѣку, существу ограниченному, исправить всю жизнь? Да чѣмъ онъ можетъ исправить ее? Ужъ не тѣмъ ли, что выставить на всенародныя очи недостатки своихъ согражданъ? Въдѣ для борьбы со зломъ нужна сила, и не внѣшняя сила, а сила внутренняя, сила убѣжденія въ необходимости перемѣнить свою жизнь. А смѣхъ, которымъ онъ до сихъ поръ пользовался, какъ средствомъ борьбы съ людскими несовершенствами, развѣ можетъ привести къ этой цѣли?

Нужна тутъ высшая сила, которая бы пришла на помощь слабому человѣку, которая ободрила бы его, нравственно возродила бы его.

А для этого, для полученія этой помощи нужно подготовить человѣка, нужно сдѣлать его воспріимчивымъ къ этой божественной помощи; нужно смягчить его душу.

А онъ, Гоголь, сдѣлалъ ли до сихъ поръ что-нибудь въ этомъ направленіи?—Ничего. Онъ только смѣялся, смѣялся надъ людскимъ несовершенствомъ, смѣялся надъ людскою пошлостью. Пусть онъ въ душѣ плакалъ, когда писалъ эти строки; пусть онъ искренно желалъ *этимъ путемъ* исправить людей. Но они-то развѣ видѣли эти слезы? развѣ понимали, что его сердце раздиралось на части, когда онъ такъ смѣялся надъ ними?

Такъ, стало быть, не ошибка ли все то, чѣмъ онъ до сихъ поръ занимался? Да, это ошибка, величайшая ошибка! Пусть даже люди обратили бы вниманіе на необходимость исправленія, развѣ онъ указалъ имъ путь, какимъ они должны идти? Развѣ научилъ онъ ихъ, какъ избѣгать зла? Да развѣ вообще въ силахъ человѣка уничтожить зло, царящее въ мірѣ?—А въдѣ къ этому нужно направить всю дѣятельность,

И столько лѣтъ, столько лѣтъ потрачено на бесполезную работу, которую всю нужно уничтожить! О, какія адскія страданія должны наполнить душу человѣка, дошедшаго до этого сознанія! Какая ужасная трагедія должна разыгратъ въ его душѣ!

Не крикъ, не слезы рвутся наружу, а стонъ, тяжелый стонъ страдающей души!

Всю жизнь стремиться принести пользу ближнимъ; всю жизнь работать надъ этимъ—и вдругъ... узнать, что все, сдѣланное доселѣ, ошибка, которую уже поздно и попра-

влять! И клянеть Гоголь свою прежнюю работу, жжетъ то что еще не увидало свѣта, и торопится исправить свои ошибки изданіемъ „переписки съ друзьями“.

И жжетъ его этотъ внутренній огонь, не даетъ ему покою. Неотступная мысль о бесполезно проведенной жизни, о напрасно потраченныхъ трудахъ, о необходимости скорѣе поправить эту ошибку—вотъ что исключительно занимаетъ Гоголя. Онъ не хочетъ знать ни о чемъ другомъ, что не имѣетъ отношенія къ новому открывшемуся ему смыслу жизни.

Онъ хочетъ сдѣлать его достояніемъ всѣхъ людей, хочетъ научить ихъ, желая имъ пользы; и въ этомъ своемъ болѣзненнымъ стремленіи, какъ страдалецъ, онъ жалокъ. Онъ сталъ жертвою своей чуткой совѣсти, сознанія своего особаго посланничества и мірового зла, въ которомъ погрязли всѣ люди. Подъ вліяніемъ этихъ ужасныхъ душевныхъ волненій, какъ свѣча, онъ быстро растаялъ, и въ 1852 г. 21 февраля его кристально-чистая мятущаяся душа покинула его разстроенный организмъ. Не стало Гоголя. Его не стало, но его чистый, святой обликъ всегда будетъ предноситься взору русскаго культурнаго человѣка. Невольно задумается онъ, какимъ тернистымъ путемъ приходится идти къ царству правды, красоты и добра. Невольно задумается онъ на тѣмъ, что этотъ пусть душевныхъ страданій—удѣлъ всѣхъ, кто стремится быть въ жизни полезнымъ.

„Братья писатели, въ вашей судьбѣ что-то лежитъ роковое“, сказалъ нашъ русскій поэтъ.

Всѣ, кто задумывался надъ царящимъ въ мірѣ зломъ, рано или поздно приходили къ религіозному вопросу.

Достаточно упомянуть Достоевскаго, Толстого. Они не миновали того пути, которымъ пошелъ Гоголь. Не говорится-ли въ этомъ особенность русской натуры, которая въ личномъ совершенствѣ видитъ единственный путь къ исправленію жизни человѣчества? Не роковое-ли это страданіе русскаго человѣка отъ сознанія неправды жизни? и не выведетъ-ли оно наконецъ человѣчество на настоящую дорогу?

Н. Соколовъ.

Первая вѣсточка.

Постоянная предсѣздная комиссія, вѣрная данной ей инструкции, въ № 4-мъ „Епарх. Вѣдомостей“, за сей годъ подаетъ вѣсть духовенству, что епархіальный съѣздъ въ текущемъ году назначается съ 1-го іюня. Въ томъ-же номерѣ

и журналъ ея за № 5-мъ; въ немъ предлагается духовенству для обсужденія на благочинническихъ сѣздахъ, не признаеть-ли оно желательнымъ открытіе 7-го класса при Епархіальномъ женскомъ училищѣ и, въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія, изыщетъ средства на это дѣло. Попутно и въ связи съ этимъ задѣтъ и другой вопросъ о періодичности епаріальныхъ сѣздовъ. Вотъ объ этомъ я и хочу сказать два—три слова.

— Лишній классъ въ училищѣ лишній — запасъ знаній для ученицы, лишній шагъ впередъ для разумной и осмысленной жизни и, въ этомъ смыслѣ, открытіе VII-го класса при названномъ училище, желательно, не найдется, думаю, ни одного человѣка, который-бы вздумалъ отвергать подобную мысль. Но всякому желанію бываетъ предѣлъ. Дѣло въ томъ, что за лишнія знанія требуются и лишнія деньги; вотъ объ нихъ-то и нужно, говоритъ комиссія, подумать, да подумать поосновательнѣе, прибавлю отъ себя, гдѣ ихъ взять, въ епархіальной-ли мошнѣ, въ тощихъ-ли карманахъ духовенства, или гдѣ въ другомъ мѣстѣ. Посмотримъ. Въ такомъ-ли блестящемъ положеніи находятся финансы епархіи и духовенства, чтобы можно было однимъ взмахомъ пера начертать на сѣздѣ постановленіе объ открытіи VII-го класса, съ ассигнованіемъ изъ того или другого источника потребной на это суммы? Въ церквахъ въ настоящее время трудно найти указанную комиссіей сумму, какъ постоянный источникъ содержанія предполагаемаго класса; онѣ и такъ стонуть подъ тяжестью налоговъ и стонъ этотъ напоминаетъ настоятелямъ храмовъ объ извѣстной нравственной ихъ отвѣтственности предъ тѣмъ учрежденіемъ, которое имъ вручено. Не надо, думается, забывать и о храмѣ, о маломъ хотя приращеніи суммъ церковныхъ на нужды самаго храма, ремонтъ, ризницу и все, что относится къ удобству и благолѣпію. Откуда-же будетъ особое приращеніе, когда цѣна на свѣчи слишкомъ поднята, да еще плюсъ % сборъ съ общественными налогами; у нѣкоторыхъ церквей есть долги. А это говоритъ о томъ, что въ жизни нашей бѣднѣйшей епархіи не на всякое предложеніе можно согласиться; требуется больше осторожности и вдумчивости въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ. Поэтому новый налогъ на указанный предметъ не желателенъ. Комиссія далѣе предлагаетъ духовенству, не найдеть-ли оно „возможнымъ“ открыть седьмой классъ на свои добровольныя пожертвованія. Вотъ на это ея предложеніе, мнѣ кажется, можно дать только отрицательный отвѣтъ. Не могу, при этомъ, не высказать того мнѣнія что духовенство, особенно сельское, въ настоящее время на столько бѣдно, на столько необезпечено, что взывать къ нему—содержать на свои средства цѣлый классъ, безъ кото-

раго можно пожалуй и обойтись, оно не можетъ, и ноша эта ему не подъ силу. Да пора-бы и безъ того пустующіе его карманы избавить отъ излишней опеки. — Намъ—сельскому духовенству, по временамъ кушать нечего, кромѣ чая и хлѣба. Нѣтъ денегъ, мы и не думаемъ о мясѣ. Есть, конечно, лица, кои, не взирая чуть не на Торричеллеву пустоту въ карманахъ своихъ собратьевъ, съ радостію будутъ привѣтствовать и стараться проводить этотъ проэктъ, особенно люди, —матеріально обезпеченные. Но если они желаютъ сдѣлать доброе дѣло, пусть добровольно жертвуютъ; тянуть-же за собою своихъ собратіи не слѣдуетъ. Въ указанное время, съ 1897-го по 1903-й годы, духовенство находилось въ лучшемъ матеріальномъ положеніи, чѣмъ теперь, особенно прижельзнодорожное. Теперь-же совсѣмъ не то. Развѣ не слышны всюду крики: „ни дровъ, ни руги причтамъ не давать,“ а доходъ уменьшился до невозможности. Приходится лишь на одномъ жалованьи, безъ котораго сельскимъ причтамъ въ настоящее время существовать не выносимо. Или можетъ быть, достаточно одного постановленія на сѣздѣ, и все будетъ? Не нужно забывать, что сейчасъ переходное время въ порядкѣ обезпеченія причтовъ; вмѣсто руги—земля; а чѣмъ ее обрабатывать? Пальцами? Вотъ тутъ то и дорого каждый рубль, не говоря уже о десяткахъ. — Поэтому духовенству, особено сельскому, не слѣдуетъ обременять себя лишними налогами. (Кстати, неужели въ епархіи 45 шт. діаконовъ?).

Если-же безъ седьмого класса обойтись нельзя, если открытіе его „дѣло неотложно необходимое,“ то во избѣжаніе лишнихъ налоговъ, нельзя-ли порыться въ смѣтѣ того-же училища и, гдѣ возможно, поурѣзать и посократить? Тамъ есть солидная, сравнительно, сумма, даѣная на преподаваніе новѣйшихъ языковъ. Преподаваніе ихъ, на сколько слышно, еще не утвердилось, какъ слѣдуетъ, и поэтому, имѣя въ виду болѣе существенное, съ ними церемониться нечего. Эти предметы—роскошь своего рода. Но допускать роскошь тамъ, гдѣ не хватаетъ средствъ на болѣе цѣлесообразное, по меньшей мѣрѣ легкомысленно; это намъ забывать не слѣдуетъ. — Тратить полднія гроши на сласти, когда нѣтъ насущнаго хлѣба, можетъ только человѣкъ совсѣмъ безпечный, никогда въ средствахъ существованія не разбирающійся. Поэму, если VII-й классъ дастъ больше знаній ученицѣ, нежели французскій и нѣмецкій языки, что неоспоримо, то нельзя-ли на счетъ этихъ языковъ и открыть его?

Теперь относительно сѣздовъ. Излишнимъ оптимизмомъ вѣетъ отъ взгляда комиссіи на „идею ежегодныхъ епархіальныхъ сѣздовъ“ и ихъ знаніе. Что сѣздъ въ епархіальной жизни органъ весьма важный и желательный,

никто спорить не будетъ; но значеніе его въ отношеніи духовенства и прихожанъ, излишне подрумянено. Да и потеряетъ-ли съѣздъ свое значеніе, если онъ будетъ не ежегодно собираться, какъ было ранѣе? А сколько у епархіи останется денегъ, если въ три года будетъ не три съѣзда, а одинъ! Въ 1908-мъ году, какъ говорится въ журналѣ коммисіи, на епархіальномъ съѣздѣ было 25 депутатовъ отъ духовенства и 8 отъ мірянъ, всего 33 депутата, на коихъ епархія изстратила 2024 р. 82 копѣйки. Эта сумма дважды останется на своемъ мѣстѣ.— Но—на томъ-же съѣздѣ было высказано пожеланіе, и въ довольно категорической формѣ, чтобы на будущіе съѣзды явились отъ cadaго благочинія по два депутата, одинъ отъ духовенства и одинъ отъ мірянъ. Всѣхъ благочиній 27, значитъ число депутатовъ должно выразиться въ цифрѣ $2 \times 27 = 54$. Кладите, сообразно съѣзда 1908 года, на cadaго, для округленія цифры 64 рубля, произведеніе=3456 рублей. Тратить ежегодно такую сумму на съѣзды, при отсутствіи излишнихъ средствъ въ епархіи и при наличности болѣе неотложныхъ нуждъ мнѣ кажется, неудобно,—непроизводительная трата.— При настоятельной необходимости можетъ быть созванъ экстренный съѣздъ, но когда, часто-ли, эта экстренность можетъ быть? Кромѣ того, въ промежуточное время, между епархіальными съѣздами, функціи послѣднихъ могутъ въ извѣстной степени съ успѣхомъ отправлять и благочинническіе съѣзды; тамъ и единеніе, и взаимообращеніе пастырей и пасомыхъ тѣснѣе, нежели на епархіальныхъ съѣздахъ.—Главный вопросъ на этихъ послѣднихъ—содержаніе училищъ, разсмотреніе и утвержденіе смѣтъ; но не будетъ грѣха, если онѣ составлены и утверждены на три года, какъ прежде. Не лишне прибавить и то, что постановленія епархіальныхъ съѣздовъ не все приводятся въ исполненіе; это нужно сказать особенно о тѣхъ, кои касаются интересовъ причтовъ.— Поэтому епархіальный съѣздъ еще не такой надежный якорь.

— Говорить объ единеніи, взаимообращеніи и въ то-же время сокращать число депутатовъ на епархіальныхъ съѣздахъ—мѣра тоже не совсѣмъ правильная и раціональная. Чѣмъ болѣе точекъ соприкосновенія у лицъ незнакомыхъ или мало знающихъ другъ друга,—тѣмъ лучше для нихъ, больше шансовъ для сближенія пастырей и пасомыхъ.— Поэтому, въ силу необходимости для сбереженія лишней копѣйки на благое дѣло, приходится высказать желаніе, чтобы епархіальные съѣзды собирались въ три года разъ и состояли-бы изъ депутатовъ отъ духовенства и по возможности мірянъ всѣхъ благочиній. Еще вопросъ: „Отчего затягиваются съѣзды“? Отъ неподготовленности дѣлъ, подлежащихъ обсужденію и рѣшенію съѣзда; отъ нѣкоторыхъ

учрежденій получаютъ бумаги въ концѣ сѣздовъ. Кромѣ сего, какъ на причину, слѣдуетъ указать на несвоевременное выясненіе средствъ епархіи. Кто на сѣздахъ бывалъ, тотъ знакомъ съ фразой: „вопросъ оставить открытымъ до выясненія средствъ епархіи.“— А средства епархіи: налоги на церкви и складъ утвари и свѣчей. Если наличность этихъ средствъ будетъ выяснена и данныя своевременно представлены сѣзду, думаю, депутатамъ не придется жить столь продолжительное время, какъ раньше, а вмѣстѣ съ этимъ сократится приходъ по ихъ содержанію, а у епархіи останется лишній рубль.

Сельскій.

Чудо у мощей преп. Сергія.

Въ Москвѣ получено сообщеніе о чудесномъ исцѣленіи въ храмѣ Троице-Сергіевской лавры, у мощей преп. Сергія, крестьянки дер. Шульгиной, воскресенской вол., Тверскаго у., Ир. Вас. Жариновой.

Это—молодая женщина, 25 лѣтъ, уже пять лѣтъ страдавшая параличемъ ногъ, при чемъ болѣзнь признана всѣми московскими врачами неизлѣчимой.

На этомъ основаніи мужъ ея возбудилъ дѣло о разводѣ и бракъ былъ расторгнутъ. Ноги у больной почти совсѣмъ высохли, и она, совершенно не владѣя ими, ползала на рукахъ.

Ея колѣни представляли большія шарообразныя опухоли, а ноги такъ высохли, что имѣли видъ костей, обтянутыхъ кожей, діаметромъ не больше вершка въ широкихъ мѣстахъ.

Недавно Жаринову привезли въ Троице-Сергіевскую лавру.

Изо-дня въ день, въ теченіе двухъ недѣль, на всѣхъ службахъ въ храмѣ она полулежала на каменномъ полу и усердно молилась у раки съ мощами преп. Сергія.

Въ концѣ всенощной, 20-го марта, она добралась до раки, и, схватившись за нее руками, стала подниматься, чтобы приложиться къ мощамъ.

Окружающіе слышали, что въ этотъ моментъ у нея какъ будто что то хрустнуло въ костяхъ. Къ общему удивленію, больная поднялась, и отъ раки пошла на ногахъ.

Теперь она ходитъ свободно, хотя и съ палкой.

Мѣстные врачи признали, что этотъ случай исцѣленія трудно объяснить.

(Свтѣ).

Редакторъ Н. А. Соколовъ.

Печатать разрѣшается: Цензоръ Прот. Николай Тяжеловъ.

это—есть начало караванной торговли по типу исхлопотанному посланникомъ избрантомъ ⁸⁷⁾

Въ 1699 году при купеческомъ караванѣ Бокова и Осколкова пріѣхалъ въ Пекинъ протопопъ Василій Александровъ и служилъ Литургію въ Никоской церкви (ибо имѣлось уже, освященное благодатію св. Духа и святительскою властію мѣсто храмъ, отъ коего благодать Божія изливали свои небесные дары во спасеніе всего міра и на царство Хиновъ и Пекинъ—въ частности). ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ I, —имѣя въ виду милостивое обращеніе Богдо-Хана съ Албазинскими плѣнными, дарованное имъ мѣсто для богослуженія, свободу вѣроисповѣданія, права гражданства съ занесеніемъ Албазинцевъ съ почетное своеванное званіе, (сословіе второго класса населенія Имперіи), дозволеніе имѣть свой Храмъ личная (Петра I) переписка съ Богдо-Ханомъ Канси, которой уважилъ Русскаго Царя (Цагонъ-Хан-а).—настаивалъ постоянно о просвященіи Христіанствомъ не только Китая во главѣ съ Императоромъ (Богдо-Ханомъ), раположеннымъ къ Христіанству, но и Монголіи съ ея религіозно главою—Хутухтой. Петръ I. постоянно настаивалъ „на пріисканіи добрыхъ и ученыхъ миссіонеровъ, которые бы,—изучивши Китайскій, Монгольскій языки и грамоту ихъ и познавъ ихъ суевереіе: твирдыми св. Евангелія доводами многія души изъ области темныя—сатининскія привести могли во свѣтъ познанія Христа Бога нашего; и всемѣрно тщались бы приводить“... Въ силу этого распоряженія Петръ I и изъ личныхъ бесѣдъ съ ИМПЕРАТОРОМЪ Митроп. Табол. Филоеей отправилъ въ Пекинъ и сполутно въ Ургу къ Хутухтѣ нѣсколько временныхъ духовныхъ посольствъ или миссій. Миссіи эти,—если тогда недостигли желаемыхъ результатовъ,—то они не остались безплодными для временъ грядущихъ. Миссіонеры, посѣщая Пекинъ,

⁸⁷⁾ Лѣтопись Пежимскаго. Иркутскъ 1858 года.

Ургу и вообще Монголію,—ознакомлялись съ обычаями, нравами, вѣрованіями Китайцевъ и Монголовъ и тѣмъ пролагали постоянный путь къ миссіи Русской, которая служила къ сближенію Китая и особенно Монголіи съ Русскими.

Хутухтой въ Ургѣ въ описываемое нами время (Петра I и Филоея) былъ тотъ самый Ундуръ-Гегенъ, о которомъ мы упоминали ранѣе и служеніе котораго выдавали наши свѣтскіе „дошлые“ (послы и торговцы) люди, еще ранше, два раза.

Въ 1702 году, какъ только Митрополитъ Филоей вступилъ на Тобольскую Каѳедру, слѣдовалъ въ Китай караванъ подъ наблюденіемъ купчины Ивана Савватѣева. Съ нимъ Митроп. Таб. Филофей отправилъ и своихъ миссіонеровъ, опираясь на указъ Вел. Царя (Петра I); Миссію эту составляли: іероманашъ Тобол. Архіер. Дома о. Сергій съ пѣвчими Филиппомъ Хавовымъ, изъ Селенгинскаго монастыря они взяли съ собою знающаго Монгольскій языкъ продіакона Θεодосія, крещенаго Монгола (а не имѣть переводчика при миссіи—значило—ходить въ потемкахъ или быть—нѣмымъ). Миссія чрезъ Ургу прослѣдовала въ Пекинъ: и тамъ во второй разъ православные Русскіе и всѣ пекинцы видѣли соборное служеніе Христіанской церкви въ православномъ русскомъ Храмѣ. Іером. Сергій, по просьбѣ живущихъ въ Пекинѣ Русскихъ, остался въ Пекинѣ; а Θεодосій и пѣвчій Ф. Фавовъ вернулись въ Россію.

Въ 1704 году изъ Москвы былъ отправленъ, отъ правительства снаряженный, новый караванъ подъ начальствомъ купчины Григорія Аѳонасьева Осколкова, уже бывшаго въ Пекинѣ (съ Боковымъ въ 1699 года); Митр. Филоей не пропустилъ случая послать вторично Духов. миссію. Миссію составляли—ученые изъ Кіев. Дух. Академіи монахи и проповѣдники: іероманашъ Софійск.